

Нет ничего труднее, чем создать оригинальное произведение в жанре ню. И выбор сюжета, и его интерпретация немедленно вливаются в водоворот общих мест, веками накапливавшихся в этом жанре. Все становится «вечной женственностью», «идеалом красоты» и тысячами других штампов — по крайней мере до тех пор, пока в дело не вступает Искусство.

И вот в этом жанре появляется новое тело, невиданное ранее. Это тело-загадка: безусловно, живая плоть, но походя больше на оживший мрамор; плоть, рассеченная на

фрагменты и собранная снова, как пазл. Тело, заново открытое в ходе фотографического анализа, ни разу не представленное в кадре целиком; тело, возникающее как результат игры в скульптуру.

Это тело возникает в работах Эрика Марриана, чуждых каким бы то ни было штампам, существующим в ню.

Легко понять, почему Марриан прибегает к методике скрытой игры, впадает в риск повторения и играет с объемом, создавая свою фотографическую интерпретацию вечной темы женского тела.

Я вижу в этом две основные причины.

Во-первых, это человек духа, что явно сказывается в его работах. Он убежден, что это совершенная плоть, с одной стороны, не самоценна; с другой, она и не порабощена окончательно душой и мыслью. Отношения плоти и души для него развиваются в трех планах: во-первых, в этой совершенной плоти обитает душа; во-вторых, плоть — изумительный объект созерцания для души, но самое главное — душа, опираясь на плоть, в единой гармонии с ней, может открыть для себя горизонты новой жизни.

